

**РАЗГОВОРЫ «В ОГРОМНОЙ МАХИНЕ ВСЕЛЕННОЙ»
(А. С. ПУШКИН): К ВОПРОСУ ОБ УСАДЕБНОЙ «БОЛТОВНЕ» ***

На материале творчества А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и других писателей XIX века в статье рассматривается специфика «усадебных разговоров», составляющая недостаточно изученную до настоящего времени проблему художественной онтологии произведений с усадебной тематикой. Делается вывод об особой бытийной функции «болтовни», уточняется понятие ее амбивалентности, определяющее поэтику изображения усадьбы как культурного феномена.

Ключевые слова: усадьба, «болтовня», коммуникации, художественная онтология, амбивалентность, «усадебный текст», поэтика.

N. L. Vershinina

**SPEAKING «INTO ENORMOUS VEHICLE OF THE UNIVERSE»
(BY A. S. PUSHKIN): TO THE ISSUE OF MANOR «CHATTER»**

The article discusses the specifics of «manor speaking» on the material of A. S. Pushkin, L. N. Tolstoy, I. S. Turgenev and other writers of the XIX century. «Manor speaking» is an insufficiently studied problem of ontology of artistic works with the theme of manor. The author concludes that there is the special existential function of «chatter» and clarifies the concept of its ambivalence defining poetics images of manor as a cultural phenomenon.

Keywords: manor, «chatter», communication, art ontology, ambivalence, «manor text», poetics.

Феномен «разговоров» — как объекта художественной онтологии в русской литературе XIX в. — лишь в последнее время стал объектом целенаправленного внимания исследователей [19]. В этом качестве «разговоры» могут отождествляться с «болтовней» [3], что было отмечено Пушкиным, не однажды привлекавшим модификации «забалтывания» в аттестации разнообразных форм общения. Характерно, что именно в «усадебном тексте» «Романа в письмах» (1829) обретает наглядность такого рода отождествление: «<Лиза — Саше>: «Ты видишь: я с тобою болтлива по обыкновенному — не будь же и ты скупа на заочные разговоры» [11, с. 48. Курсив мой. — Н. В.]. То, что перед нами не случайность, а закономерность, подтверждается известными высказываниями Пушкина в письмах 1820-х годов, адресованных А. А. Бестужеву: «<...> да полно тебе писать быстрые повести с романтическими переходами — это хорошо для поэмы байронической. Роман требует болтовни; высказывай всё на чисто» [12, с. 180];

* Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту-победителю конкурса проектов в области гуманитарных наук №14-14-60001 «Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты».

«<...> да возмись-ка за целый роман — и пиши его со всею свободою разговора или письма <...>» [12, с. 245]; «Я давно уже не сержусь за опечатки, но в старину мне случилось забалтываться стихами <...>» [12, с. 84] и т. п.

Полисемантичесность понятия «болтовни», как и смежных лексических наименований (в «Словаре языка Пушкина: «болтанье», «болтать», «болтливость», «болтливый» и др. [14, с. 157–158]), не затеняет сущностного признака, связанного у писателей начала и середины века с духом искренней непринужденности, свободы, поэтичности, с отторжением официальных, этикетных и любых иных регламентаций. Словом «болтанье» заявляет о себе стилистика, свойственная только разговорной речи и, одновременно, истинной поэзии и неподдельному искусству. «Ради бога, — обращается Пушкин к брату, Л. С. Пушкину, в письме от 24 сентября 1820 г., — почитай поэзию — доброй, умной старушкою, к которой можно иногда зайти, чтоб забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милым *болтаньем* и сказками <...>» [12, с. 93. Курсив мой. — Н. В.]. Примечательно, что, знакомясь с перепиской поэта по «Материалам для биографии А. С. Пушкина», изданным П. В. Анненковым (1855), Л. Н. Толстой подчеркнул именно приведенные выше три строки [1] — факт, свидетельствующий об его интересе к пушкинской мысли, и, возможно, о сочувственном согласии с идеей свободного «забалтывания».

Онтологический ракурс «болтовни» был освоен и публично заявлен О. И. Сенковским в программной статье «Брамбеус и юная словесность» (1834) — в «болтовне» он увидел существо всей современной литературы и важнейшие основания ее развития в будущем: «Прелесть умной светской беседы, и беседы дружеской, без свидетелей, в уединении, — перенесенная на бумагу и доступная во всякое время, — есть первая идея словесности» [13, с. 35]. Характерно, что само по себе обращение к Пушкину позднейших авторов, например, А. Ахматовой обретало форму именно этого статуса коммуникаций: выражение себя через «разговоры» становилось условием теснейшего внутреннего взаимодействия, атмосферы духовного сотворчества: «... я, простите, забалтываюсь — меня нельзя подпускать к Пушкину...» [2]. Ахматовой явно созвучно приведенное мемуаристом суждение ее современницы о том, что «умение забалтываться» — «необходимое качество настоящего прозаика»: «<...> прозе нужно забалтываться, <...> прозе нужна избыточность, «ненужная деталь»» [8].

Наша цель — показать, что феномен *усадебных разговоров* в наибольшей степени сближается с «болтовней» в онтологическом, непреходящем качестве и художественном выражении. Об этом свидетельствует сходная функция данного феномена в произведениях Пушкина, Толстого, Писемского, Тургенева.

Прежде всего, отметим: «болтовня» как форма общения позволяет сочетать несочетаемое, что обеспечивает ей эффективность применительно к порубежному усадебному миру. К мысли об его порубежности подводит замечание В. А. Доманского: «русская усадьба в <...> образе жизни ее обитателей ни в коем случае не уравнивается с провинцией» [4, с. 58]. Мы выразились бы не столь категорично, исходя из того, что «разговоры» в усадьбе не разделяют, а соединяют несоединимое: с одной стороны, наивно-обывательский быт, с его установлениями и неизменными стереотипами, с другой — проявления развитого сознания, широту и неоднозначность запросов цивилизации. Усадьба, вне всякого сомнения, воплощает строгую замкнутость пространства (в том числе, и на уровне поэтологической строфической «структурности»), но, при этом, она олицетворяет безграничность «полета» духа («торжество

языка над стихом» в «Евгении Онегине», достигаемое, по мысли Ю. М. Лотмана, с помощью «несовпадения синтаксических и метрических единиц» [6, с. 429]). Столь же парадоксальна взаимообусловленность «уединения», располагающего к творчеству, дружеской беседе, любовным свиданиям, — и окружающей подобный род общения атмосферы многолюдства, непонимания, суеты, без которой в «уединении», что важно заметить, не проявилась бы нужная авторам «ориентация на <...> непри- нужденный, непосредственный *нелитературный* рассказ» [6, с. 428].

С этих позиций правомерно объяснить «странное сближение» Онегина и Ленского в «романе в стихах»:

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой [10, с. 37].

Речь идет не о диалектическом сцеплении противоречий, о чем не раз писали исследователи [9], а о соположении, сосуществовании разноприродных факторов, реализуемом исключительно в усадебном пространстве. Здесь, используя слово Ю. М. Лотмана, «торжествует» одномоментность — даже при видимой последовательности производимых действий. По-своему пересказывая Татьяне «день Онегина» (гл. VII), Анисья имеет в виду не столько очередность занятий «барина», сменяющих друг друга, сколько их неразделимость и взаимодополняемость в усадебном укладе:

Здесь почивал он, кофей кушал,
Приказчика доклады слушал
И книжку по утру читал... [10, с. 146].

Онегин и Ленский — «От *делать нечего* друзья» [10, с. 37], чем обусловлен характер их разговоров, не имеющих практической, полемической или иной целенаправленности. Именно внутренняя потребность в будто бы бесцельной «болтовне» сближает этих героев, оказавшихся посреди «толпы», а их беседы выделяет из номинативно обозначенной тематики поместных разговоров («О сенокосе, о вине / О псарне, о своей родне» — [10, с. 36]). В ранних редакциях *уединенность* бесед Онегина и Ленского была подчеркнута:

В прогулке их уединенной <...> [10, с. 278].

Амбивалентность усадебной «болтовни» связана с тем, что свобода такого рода общения, с одной стороны, — неотъемлемая часть деревенского быта и сложившихся в нем привычек; с другой же, в сущности, она несоизмерима ни с рамками поместного мирка, ни с открывающимися широкими перспективами, очерченными цивилизацией. Феномен усадебной болтовни — в прямой апелляции ее к масштабам «вселенной», по пушкинскому определению в черновиках:

...О чем ни зачинали <?> спор
В составе вселенной
На что ни обращали взор [10, с. 278].

В варианте:

б. В огромной махине вселенной [10, с. 278].

Совместимость предметов, далеко разведенных друг с другом при других обстоятельствах, в усадебной «болтовне» очевидна:

а. Обман и быль, добро и зло [10, с. 278].

Наибольшей содержательной насыщенности и одновременно «свободы разговора» беседы Онегина и Ленского достигают в окончательном тексте:

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою череду,
Всё подвергалось их суду [10, с. 38].

В сущности, та же модель общения: синхронность временного и вечного аспектов в составе усадебных коммуникаций представлена в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого (1873–1877) — в контексте поместной жизни Левина.

Когда к Левину приезжает «радостный <...> гость» Стива Облонский, это означает для Левина, прежде всего, удовлетворение потребности в общении с «приятным человеком, с кем бы поговорить». Для усадебной жизни нет понятия прагматических дружеских разговоров — «болтовня» предполагает *один* разговор *обо всем*, без соблюдения каузальной взаимосвязи и логики: «Как всегда, у него за время его уединения набралось пропасть мыслей и чувств, которых он не мог передать окружающим, и теперь он изливал на Степана Аркадьича и поэтическую радость весны, и неудачи и планы хозяйства, и мысли и замечания о книгах, которые он читал, и в особенности идею своего сочинения, основу которого, хоть он сам не замечал этого, составляла критика всех старых сочинений о хозяйстве» [16, с. 177, 178–179].

Характерная черта «болтовни» — в том, что она не предполагает обязательного уровня образованности, блеска остроумия и бойкости ума. Эти качества имеют лишь касательное отношение к словам и звукам, где имеет большее значение не смысл, а ощущение искренней теплоты, непоказной задушевности. Левин чувствует это после приезда из Москвы и отказа Кити, очутившись в привычной усадебной обстановке: «путаница понятий, недовольство собой, стыд пред чем-то» [16, с. 105] остаются в «городском» локусе, не переходя пределов усадебного бытия.

Возвратившись в Покровское Левин вновь погружается в нерегламентированный порядок жизни, установленный самой природой. С ним, однако, органично уживаются новейшие открытия цивилизации: многоуровневость и нерасторжимость каждого мгновения позволяют ощутить присутствие «вселенной» в пушкинском понимании образа, воплощенного в произнесенном и не сказанном слове. «Когда он вошел в маленькую гостиную, где всегда пил чай, и уселся в своем кресле с книгою, а Агафья Михайловна принесла ему чаю и со своим обычным: “А я сяду, батюшка”, — села на стул у окна, он почувствовал, что, как ни странно это было, он не расстался с своими мечтами и что он без них жить не может. <...> *Он читал книгу, думал о том, что читал, останавливаясь, чтобы слушать Агафью Михайловну, которая без усталости болтала; и вместе с тем разные картины хозяйства и будущей семейной жизни без связи представлялись его воображению.* Он чувствовал, что в глубине его души что-то устанавливалось, умерялось и укладывалось.

Он слушал разговор Агафьи Михайловны о том, как Прохор Бога забыл и на те деньги, что ему подарил Левин, чтобы лошадь купить, пьет без просыпу и жену избил до смерти; он слушал и читал книгу и вспоминал весь ход своих мыслей, возбужденных чтением. Это была книга Тиндаля о теплоте. Он вспоминал свои осуждения Тиндалю за его самодовольство в ловкости производства опытов и за то, что ему

недостает философского взгляда. И вдруг всплывала радостная мысль: «Через два года будут у меня в стаде две голландки, сама Пава еще может быть жива, двенадцать молодых Беркутовых дочерей, да подсыпать к ним на казовый конец этих трех — чудо!» Он опять взялся за книгу» [16, с. 109. Курсив мой. — *Н.В.*].

«Болтовня» с Агафьей Михайловной входит в тот круговорот явлений, где отсутствуют различия между значительным и незначительным, интеллектуальным и рожденным природной мудростью: «Кроме хозяйства, требовавшего особенного внимания весной, кроме чтения, Левин начал этою зимой еще сочинение о хозяйстве, план которого состоял в том, чтобы характер рабочего в хозяйстве был принимаем за абсолютное данное <...>. Так что, несмотря на уединение или вследствие уединения, жизнь его была чрезвычайно наполнена, и только изредка он испытывал неудовлетворенное желание сообщения бродящих у него в голове мыслей кому-нибудь, кроме Агафьи Михайловны, хотя и с нею ему случалось нередко рассуждать о физике, теории хозяйства и в особенности о философии; философия составляла любимый предмет Агафьи Михайловны» [16, с. 170].

Интересно, что совершенно такое же представление о значимости «болтовни» в условиях усадебного бытия находим в письме Толстого из Ясной Поляны от 2 марта 1882 г., адресованном С. А. Толстой: «Во всяком случае мне очень здорово отойти от этого задорного мира городского и уйти в себя, — читать мысли других о религии, слушать болтовню Агафьи Михайловны и думать о людях, о боге» [17, с. 9–10].

Те же функции «усадебных разговоров» присутствуют в романах А. Ф. Писемского, из которых в этом плане наибольший интерес представляют «Люди сороковых годов» (1869) [15].

Всеобъемлемость подобных «разговоров» делает их родственными иным, многообразным разновидностям «болтовни», не уравнивая полностью ни с одной из данных разновидностей. Это могут быть этические (обычно негативные) аспекты, соотносимые с пустословием, понятием сплетни, с чем-то, к чему прилагаются эпитеты «безнравственная», «вздорная», «пошлая», «глупая», «бесталанная» и т. п. Это также может быть «болтовня», осмысленная в стилевом ключе, как поступает Мопассан в книге «На воде» (1888), где ей приписываются качества французского остроумия: «Приятная беседа, что это такое? Бог весть! Это уменье никогда не наскучить, обо всем говорить занимательно, нравиться чем придется, пленять неизвестно чем. Как определить это легкое порханье с предмета на предмет, эту резвую игру, где вместо мячей перебрасываются словами, эту легкую улыбку ума, которая и есть приятная беседа?» [7].

Иногда тонкость границ между разными значениями «болтовни» может способствовать неверной оценке ситуации и отношений между героями. В романе И. С. Тургенева «Рудин» (1856), например, Дарья Михайловна Ласунская снисходительно смотрит на усадебные беседы дочери с Рудиным: «Близость его с Натальей была не совсем по нутру Дарье Михайловне. «Но, — думала она, — пускай она с ним *поболтает* в деревне. Она забавляет его, как девочка. Беды большой нет, а она все-таки поумнеет... В Петербурге я это все переменю...»

Дарья Михайловна ошибалась. Не как девочка *болтала* Наталья с Рудиным: она жадно внимала его речам, она старалась вникнуть в их значение, она повергала на суд его свои мысли, свои сомнения: он был ее наставником, ее вождем» [18, с. 488. Курсив мой. — *Н. В.*].

В данном случае амбивалентность «болтовни» сказывается в наложении стереотипа легких, также усадебных разговоров, на «болтовню» как «уединенно» сформировавшийся, скрытый потенциал общения — не предусмотренных помещным или иным этикетом межчеловеческих связей, сложно соотносящих сказанное с невысказанным. О, неоднозначном характере кажущейся лишь «легкомысленной» «мазурочной болтовни» пишет Ю. М. Лотман: ««Мазурочная болтовня» требовала поверхностных, неглубоких тем, но также занимательности и остроты разговора, способности к быстрому, эпиграмматическому ответу. Бальный разговор был далек от <...> игры интеллектуальных сил <...>. Тем не менее он имел свою прелесть — оживленность свободы и непринужденность беседы между мужчиной и женщиной, которые оказывались одновременно и в центре шумного праздника, и в невозможной в других обстоятельствах близости <...>» [6, с. 522].

«Мазурочная болтовня» в этом случае важна как аналог «болтовни» усадебной — синкретизм обеих допускает противоположные семантические толкования, из которых, соответственно, могут вытекать столь же неоднозначные последствия.

Подводя итог, отметим в «усадебных разговорах» признаки, обладающие несомненной типологической характерностью: уединенность их подготовки и дальнейшей ситуативной реализации; обязательное наличие окружающего многолюдства, «толпы», при отторжении от которой возникает неподдельная искренность, близость, о которой Лермонтов писал в послании «К*» (1832):

Есть звуки — значенье ничтожно,
И презрено гордой толпой —
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто бывшее
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них! [5, с. 247].

К типологическим свойствам «болтовни» относятся ее видимая бесцельность, нерегламентированность, иногда банальность, полная свобода самовыражения, соединяющая собеседников не правилами общежития, а неписанными законами природы. При замкнутости усадебного мира, он изначально открыт не только новейшим веяниям цивилизации, но и неведомому, наполняющему необъятность «машины вселенной». В усадьбе этому способствуют, наряду с чтением и музыкой, непринужденно протекающие «разговоры», охватывающие спектр доступных ее обитателям вопросов, касающихся как конкретного человека, так и интересов и чаяний человечества. Запечатленной в слове одновременно переживаемых состояний обусловлена их безграничность, в результате чего «усадебные разговоры» лишаются заданной тенденции, вливаясь в живую неисчерпаемость многоголосья. Применительно к Онегину и Ленскому, об этом сказал Пушкин: «О чем ни заводили речь» — [10, с. 278].

Литература

1. Архангельская Т. Н. В творческой лаборатории Л. Н. Толстого: Источники, прообраз и образ, литературные связи. Дис. <...> канд. филол. наук. Орел, 2004. В сети: [Электронный ресурс]: URL: http://www.dissercat.com/content/v-tvorcheskoi-laboratorii-ln-tolstogo-istochniki-proobraz-i-obraz-literaturnye-svyazi_...

2. Ахматова А. Проза о поэме. В сети: [Электронный ресурс]: URL: <http://ahmatova.ouc.ru/proza-o-poeme.html>
3. Вершинина Н. Л. «... забалтываясь донельзя»: функция «забалтывания» в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина и подражаниях «роману в стихах» (М. Воскресенский, Трилунный, А. Яхонтов и др.) // Болдинские чтения — 2013. Нижний Новгород: РИ «Бегемотнн», 2013. 320 с. С. 129–141.
4. Доманский В. А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 56–60.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4-х т. М.: Правда, 1969. Т. 1.
6. Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Искусство-СПб, 1995.
7. Мопассан Ги де. На воде. В сети: [Электронный ресурс]: URL: http://royallib.ru/read/mopassan_gi/na_vode.html#225280
8. Найман Анатолий. Рассказы об Ахматовой. В сети: [Электронный ресурс]: URL: <http://akhmatova.org/bio/naiman04.htm>
9. Палиевский П. В. Пушкин как классическая мера русского стилевого развития // Теория литературных стилей. Типология стилевого развития Нового времени: Классический стиль. Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле. М.: «Наука», 1976. С. 95–114; Глухов В. И. Лирика Пушкина в ее развитии. Иваново: ИвГУ, 1998; Ильичев А. В. Поэтика противоречия в творчестве А. С. Пушкина и русская литература конца XVIII — начала XIX века: В 2 ч. Владивосток: ДВГУ, 2004.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16-и т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 6.
11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16-и т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 8.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16-и т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 13.
13. Сенковский О. И. Брамбеус и юная словесность // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. Ч. 1. № 4. Отд. «Русская словесность (Проза)».
14. Словарь языка Пушкина: В 4-х т. Т. 1. А — Ж. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956.
15. Смирнова Л. Л. Образ усадьбы в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Русская усадьба XVIII — начала XX веков: Проблемы изучения, реставрации и музеефикации. Материалы научной конференции / Редактор-составитель Е. В. Яновская. Ярославль: Александр Рутман, 2004. С. 6–13.
16. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22-х т. М.: Художественная литература, 1981. Т. VIII.
17. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22-х т. М.: Художественная литература, 1984. Т. XIX.
18. Тургенев И. С. Собрание сочинений: В 6-и т. М.: Правда, 1968. Т. 1.
19. Юхнова И. С. Поэтика диалога и проблема общения в прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Автореф. дис. <...> докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2011.